

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Крюденер Амалия

(1810 или 1808 – 1888)

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Ф. И. Тютчев

Эти вдохновенные слова были сказаны об одной из красивейших женщин Петербурга — баронессе Амалии Крюденер.

Знакомство двадцатилетнего, еще мало кому известного поэта с «младой феей» Амалией фон Лерхенфельд, дочерью баварского посланника в Петербурге, произошло в середине 1823 года, когда Федор Тютчев, назначенный сверхштатным чиновником при русской дипломатической миссии в Мюнхене, уже освоил свои немногочисленные обязанности.

Шестнадцатилетняя Амалия покровительствовала превосходно воспитанному, чуть застенчивому русскому дипломату. Вместе с Теодором, как звали здесь Федора Ивановича, она совершала частые прогулки по зеленым улицам Мюнхена. Их восхищали поездки по древним предместьям, дальние экскурсии к прекрасному Дунаю, с шумом пробивающему себе дорогу сквозь восточные склоны Шварцвальда. О тех временах остались известные поэтические воспоминания:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит...

Это стихотворение Тютчев (кстати, уже давно женатый на другой женщине) написал в 1833 году — по-видимому, отметив десятую годовщину своей любви к Амалии.

«Амалия была одарена редкостной, уникальной красотой, — пишет исследователь жизни и творчества поэта Вадим Кожин. — Ею восхищались позднее такие разные люди, как Генрих Гейне, Пушкин, Николай I. Баварский король Людвиг I заказал портрет Амалии для собираемой им галереи европейских красавиц.

Взаимоотношения Амалии с Тютчевым, продолжавшиеся целых полвека, говорят о том, что она сумела оценить поэта и его любовь. Но она или не смогла или не захотела связать с ним свою судьбу. Из стихотворения 1824 года можно заключить, что имелись какие-то решительные противники этой любви. До нас дошли неясные сведения о драматических перипетиях начала 1825 года, когда Тютчев едва не оказался участником дуэли (неизвестно с кем, но явно в связи со своей любовью к Амалии) и должен был уехать из Мюнхена, уволившись в отпуск».

Поэт, очарованный юной подругой, не случайно ревновал ее и боялся за свою любовь. Его опасения оказались не напрасными. Своенравная красавица, несмотря на нежные чувства, которые она явно питала к молодому русскому дипломату, в последний момент все же отдала свою руку другому сотруднику русской миссии в Мюнхене — барону Александру Сергеевичу Крюденеру, который был на семь лет старше Тютчева и являл собою, очевидно, более «надежного» супруга, чем Федор Иванович.

Впрочем, что означало «отдала свою руку» в то время? Юная Амалия, как и многие ее сверстницы из высшего света, была отдана замуж за человека намного старше ее. Говорят, барон Крюденер нрав имел весьма тяжелый...

Неизвестно, пожалела ли потом Амалия Максимилиановна о поспешном, навязанном ей замужестве, но сохранилось письмо, которое поэт написал своим родителям через несколько лет, уже после отъезда Крюденеров в Россию. Там есть такие строки:

«Видите ли вы иногда г-жу Крюденер? Я имею основание предполагать, что она не так счастлива в своем блестящем положении, как бы я того для нее желал. Милая, прелестная женщина, но какая несчастливая. Она никогда не будет так счастлива, как она того заслуживает. Спросите ее, когда вы ее увидите, помнит ли она еще о моем существовании».

Время покажет, что ни она, ни он не забудут своей привязанности...

Была ли, по утверждению Тютчева, несчастливой женщина, вызывавшая поклонение величайших поэтов? И не только поэтов! Все тридцатые годы XIX столетия она не переставала блистать в свете, восхищая своим умом и красотой не только мужчин, но и женщин.

Подлинное происхождение Амалии весьма любопытно. Она была внебрачной дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III и княгини Турни-Таксис и являлась, таким образом, сводной сестрой другой дочери этого короля — русской императрицы, супруги Николая I Александры Федоровны. «Королевская дочь, да еще к тому же ослепительная красавица, Амалия явно стремилась добиться как можно более высокого положения в обществе, — поясняет В. Кожин. — И ей это удалось. Муж ее сделал карьеру и занял ответственный пост в Министерстве иностранных дел. Уже в 1830-х годах Амалия играет первостепенную роль в петербургском свете, пользуясь громадным влиянием при дворе...»

«Она хотела вознаградить себя за навязанное ей замужество, — писала о своей тетке Амалии великая княжна Ольга Николаевна, — и окружила себя блестящим обществом, в котором она играла роль и могла повелевать. У нее и в самом деле были манеры и повадки настоящей гранд-дамы».

Весь двор шептался о сильнейшем и отнюдь не платоническом увлечении императора баронессой.... Императорской четой ей было подарено имение с прелестным парком и дворцом. Амалия стала соседкой и близкой подругой любимой дочери императора, великой княгини Марии Николаевны. Сам государь являлся частым гостем в имении. Но уже с зимы 1838 года всеми придворными наблюдалось резкое охлаждение: место государя заступил всесильный шеф жандармов, граф Бенкендорф. Позднее яркое чувство сделало бесстрастного генерала послушным рабом красавицы.

Ольга Николаевна с нескрываемой досадой писала об этом романе:

«Служба Бенкендорфа очень страдала от влияния, которое на него оказывала Амели. Как во всех запоздалых увлечениях, было в нем много трагического. Она пользовалась его деньгами, его связями, где и как только ей это казалось выгодным, а он — и не замечал этого. Странная женщина! Под добродушной внешностью и прелестной, часто забавной натурой скрывалась хитрость самого высокого порядка».

Действительно: располагая большими связями при русском дворе, Амалия через близкого ей графа Бенкендорфа не раз оказывала Федору Ивановичу и его семье дружеские услуги. Например, во многом способствовала переезду Тютчевых в Россию и получению Федором Ивановичем новой должности. Поэт всегда неловко чувствовал себя после этих услуг. Но у него, обремененного большой семьей, просто не было иного выхода.

После смерти Крюденера Амалия Максимилиановна стала женой финляндского губернатора и члена Государственного совета графа Н. Адлерберга — сына всесильного министра двора. В то время ей уже исполнилось сорок шесть, но она все еще слыла красавицей. Кстати, новый муж был моложе ее на одиннадцать лет...

В 1840 году Тютчев писал родителям об очередной встрече с Амалией в окрестностях Мюнхена:

«Вы знаете мою привязанность к г-же Крюденер и можете легко себе представить, какую радость доставило мне свидеться с нею. После России это моя самая давняя любовь... Она все еще очень хороша собой, и наша дружба, к счастью, изменилась не больше, чем ее внешность».

Их дружба-любовь длилась всю жизнь. Судьба еще дважды ненадолго свела их...

В июле 1870 года Федор Иванович лечился в Карлсбаде. В это время сюда съезжалась европейская и русская знать. Здесь поэт встретил многих знакомых. Но самой радостной, пожалуй, стала встреча с Амалией Максимилиановной, приехавшей с мужем. Ей было шестьдесят два, Тютчеву — шестьдесят семь.

Вскоре родились строки, известные многим:

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

Последняя их встреча произошла 31 марта 1873 года, когда разбитый параличом поэт вдруг увидел у своей постели Амалию Максимилиановну. Лицо его сразу просветлело, на глазах появились слезы. Он долго молча на нее смотрел, не произнося от волнения ни слова.

На следующий день Федор Иванович дрожащей рукой написал несколько строк дочери Дарье:

«Вчера я испытал минуту жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней Адлерберг, моей доброй Амалией Крюденер, которая пожелала в последний раз повидать меня на этом свете и приезжала проститься со мной. В ее лице прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй...»

Ранним утром 15 июля поэта не стало. Амалия Максимилиановна пережила своего друга на пятнадцать лет.

Стоит еще раз процитировать В. Кожина: «Среди постоянных и, конечно, очень напряженных забот о своем высоком положении, поглощавших жизнь Амалии, Тютчев был для нее, надо думать, ярчайшим воплощением всего того в мире, ради чего вообще стоит жить».